
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО: ПРИЗНАКИ КРИЗИСА ИЛИ ПРИЗНАКИ РОСТА

М.Н. Кузнецов

Кафедра гражданского и трудового права
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена так называемому кризису международного частного права (МЧП), который, по мнению автора, является не кризисом права, а отставанием теории права и доктрины от стремительного усложнения и углубления общественных отношений, регулируемых МЧП.

Ключевые слова: международное частное право, правовая система, отрасль внутреннего права, отрасль международного права, коллизия закона.

В настоящее время развитие международного частного права (далее — МЧП) во всем мире переживает кризисный период. На поверхности явлений он выражается в том, что подвергается сомнению правильность как отдельных категорий, так и всей его совокупности в целом.

Например, исследуя сущность и функции МЧП, болгарский ученый Ж. Сталев приходит к выводу, что «функция МЧП не состоит в регулировании гражданско-правовых отношений» [28. С. 4, 19].

Более того, ряд российских и зарубежных ученых вообще отказывает международному частному праву в наличии у него своих собственных норм. Например, Н.Ю. Ерпылева пишет, что МЧП объединяет «нормы внутригосударственного законодательства, международных договоров и обычаев» [10. С. 18–29]. На отсутствие своих норм в МЧП указывал и А.Н. Макаров [17. С. 25–26], и Р.А. Мюллерсон [22.С. 86], и В.В. Гаврилов, утверждавший, что «международное частное право является искусственным образованием», и далее: «Не образует оно и собственной системы права, так как само состоит из норм этих (международной и внутригосударственной — М.К.) правовых систем» [8. С. 13–14]. П.Н. Бирюков и Н.М. Понедельченко утверждают, что, по их мнению, «вообще нельзя говорить о МЧП как отрасли международного либо национального права или даже отдельной системы права. Международное частное право — научная дисциплина» [3]. Далее в этой же статье они пишут: «Таким образом, то, что обычно называют “международным частным правом”, является искусственным образованием, “объединяющим” две или три группы разносистемных норм (международно-правовые, нормы права РФ, нормы права иностранных государств)».

Рассматривая вопросы отраслевой и системной принадлежности МЧП, некоторые ученые допускают отдельные неточности и не совсем аргументирован-

ные выводы при оценке научных позиций предшествующих авторов. Например, А. Пилле утверждал, что МЧП «вообще не является отраслью права, а представляет собой отрасль правоведения, т.е. отрасль (юридической науки)»: «Наша наука не должна разбиваться на множество территориальных доктрин, а, напротив того, стремиться к единству, исходя при разрешении международных вопросов из одних международных оснований» [7. С. 19]. И далее: «Международное частное право должно содержать только принципы одинаково верные и одинаково признанные во всех цивилизованных странах...».

На мой взгляд, А. Пилле в данном фрагменте отнюдь не отвергает объективного существования МЧП как интегральной совокупности правовых норм (по терминологии В.Е. Варавенко — отрасли права). Напротив, он призывает национально (территориально) ориентированных ученых выделить, рассмотреть, выработать, усвоить общие для всех субъектов международного общения принципы, т.е. те же самые нормы, обладающие качествами правовых идей, одинаково важные и одинаково оцениваемые ими для себя.

О признаках определенного кризиса говорят иные, более иронические и даже саркастические высказывания об МЧП, например, о том, что это — «гибрид юриспруденции», «высшая математика юриспруденции» или «упражнение для логики профессоров, занимающихся этой проблематикой» [4. С. 4].

Более глубокий анализ показывает, что признаки кризиса МЧП — это признаки его роста: объективное развитие мирохозяйственных связей на базе научно-технической революции обгоняет развитие МЧП и его доктрины, создает в теории «тупиковые» ситуации, методика исследования явлений МЧП обновляется слабо, доминирует не оправдывающий себя в новых условиях формально-логический подход (например, международное или цивилистическое направление в МЧП).

Указанные особенности общего характера с неизбежностью тормозят развитие отдельных институтов международного частного права, нарушается принцип целостности: МЧП неоправданно растаскивается на отдельные отрасли [1. С. 256], подотрасли [12. С. 30] и даже подсистемы [27. С. 7–26]. Нарушается эффективность международного частного права в целом.

Даже сторонники цивилистической природы МЧП, соглашаясь в основном, высказывают противоречивые суждения о месте МЧП в структуре внутригосударственной системы права. Суть обсуждаемой ими проблемы состоит в том, является ли международное частное право самостоятельной отраслью права или оно составляет часть отрасли гражданского права соответствующей страны.

Известные теоретики гражданского права и позитивисты М.И. Брагинский, А.Л. Маковский и О.Н. Садилов, например, отрицают самостоятельный характер международного частного права и считают его частью, своего рода «срезов» гражданского права. В качестве обоснования данной позиции А.Л. Маковский приводит следующие доказательства.

1. Отношения, регулируемые международным частным правом, хотя и имеют свою специфику, но все же являются однородными с другими гражданско-правовыми отношениями.

2. На значительной общности предмета регулирования имущественных отношений, осложненных иностранным элементом и без такового, основано все коллизионное регулирование первых, подчиняющее их нормам общего гражданского права.

3. На том же основана своеобразная взаимозаменяемость МЧП и общего гражданского права, отсутствие между ними абсолютно четкой разграничительной линии.

4. Основные коллизионные нормы, правила об автономии воли, публичном порядке содержатся в отраслевых актах гражданского законодательства.

5. Свойственные международному частному праву специальные методы регулирования: автономия воли сторон, коллизионный метод и другие чаще всего необходимо сочетать с использованием для регламентации имущественных отношений, осложненных иностранным элементом, метода равенства сторон гражданского правоотношения [19].

«Все изложенное выше, — резюмирует профессор А.Л. Маковский, — позволяет прийти к выводу, что международное частное право — своего рода надстройка над другими нормами гражданского права, специально созданная для регулирования отношений, осложненных иностранным элементом, «срез», «слой» гражданского права, захватывающий почти все его подотрасли и институты».

В данной научной позиции много того, с чем теоретики права могут не согласиться.

Прежде всего вряд ли приемлем термин «срез», «слой» применительно к МЧП, да и праву вообще. Не ясно, на каком теоретическом фундаменте вводится понятие «общего» гражданского права и чем оно отличается от собственно гражданского права, утвердившегося за последние 2000 лет в праве всех без исключения стран и никем не оспариваемого.

Что означает «своеобразная взаимозаменяемость» МЧП и общего гражданского права? Вряд ли служит убедительным аргументом в пользу отнесения МЧП к «срезу» гражданского права то обстоятельство, что коллизионные нормы, правила об автономии воли и публичном порядке размещены в отраслевых актах гражданского законодательства. Возражения у теоретиков права может вызвать отнесение к методам правового регулирования такой категории, как «равенство сторон гражданского правоотношения».

На мой взгляд, высказанная профессором А.Л. Маковским научная позиция скорее подчеркивает, нежели снимает проблему кризиса международного частного права, о которой говорилось выше.

Подтверждением данной оценки может служить научная оппозиция ряда других цивилистов. М.М. Богуславский, Л.А. Лунц, И.С. Перетерский, С.Н. Лебедев, Г.К. Дмитриева и некоторые другие не разделяют позицию профессора А.Л. Маковского о том, что МЧП является «срезом», «слоем» гражданского права и высказываются в пользу его самостоятельности.

С.Н. Лебедев отмечает в этой связи: «Исходя из гражданско-правовой природы отношений, регулируемых МЧП, и учитывая особенности как самих этих отношений, возникающих в международном обороте, так и их регулирования, в частности, международно-договорное происхождение значительного числа источников с вытекающими отсюда последствиями, мы приходим к выводу, что МЧП следует рассматривать как особую отрасль цивилистического по своему характеру содержания» [14. С. 75].

К аналогичному выводу приходит и профессор Г.К. Дмитриева: «несмотря на тесную связь с международным [публичным] правом, международное частное право входит в систему внутреннего [национального] права государства. Это жестко предопределяется предметом правового регулирования — частно-правовыми отношениями... в системе внутреннего права международное частное право не является частью гражданского права [семейного, трудового]. Оно занимает самостоятельное место в этой системе — является самостоятельной отраслью со своими специфическими предметом и методом регулирования» [9. С. 37–38].

В поддержку этой позиции высказывается и профессор М.М. Богуславский: «Приведенные выше соображения дают основания рассматривать международное частное право как особую отрасль права» [5. С. 30].

Частным проявлением кризиса международного частного права является также прямое утверждение типа — это «не право», «не частное» и «не международное» (Б. Кегель, А. Скотт), либо не столь явное внешне ослабление его путем подмены целостности полисистемным комплексом (Р.А. Мюллерсон, В.В. Гаврилов), либо попытка «отнести к тем правовым сферам, в которых в недалеком будущем возможно образование и признание наличия новых отраслей права», либо, наконец, расчленение на «коллизийное», как подсистему национального права, с одной стороны, и «международное гражданское» как часть общего международного права, с другой (К.Л. Разумов). Эти и другие новеллы требуют обратиться к анализу понятийного аппарата МЧП.

Попробуем начать не с традиционного описания регулируемых МЧП отношений, а с таких объемных понятий, как «право», «международное», «частное» при одновременном выявлении содержательной стороны их.

Тщательный разбор показывает, что международному частному праву присущи все признаки понятия «право»: здесь есть свои правовые нормы — коллизийные, помогающие отыскать необходимую для решения спорного вопроса правовую систему, и материальные, являющиеся правилом поведения как для суда, так и для участников правоотношения; есть свой метод регулирования, соответствующий характеру регулируемых отношений; метод регулирования и нормы международного частного права санкционированы государствами; имеется также принуждение к соблюдению норм; наконец, нормы права выражают волю соответствующих общественных сил. Таким образом, международное частное право обнаруживает все необходимые и достаточные признаки для того, чтобы мы имели полное основание отнести его к правовым явлениям.

Рассмотрим два других компонента: «международное» и «частное».

В первом случае мы сталкиваемся с одним из значений термина «международное», который сам по себе многозначен. В международном публичном праве под ним понимают отношения, возникающие, изменяющиеся или прекращающиеся между государствами, т.е. касающиеся отношений государств между собой. Когда же говорят о международной охране авторских и патентных прав, о международных культурных контактах, международном туризме, наконец, международной торговле, то чаще всего имеют в виду отношения между отдельными лицами, фирмами, организациями или обществами разных стран. В этом случае термин «международное» приобретает иное значение. В международном частном праве этот термин употребляется в том смысле, что это право регулирует отношения, выходящие за рамки правовой системы одного государства, отношения, в которых главными участниками являются физические и юридические лица, принадлежащие к разным правовым системам, отношения лиц, вытекающие из международного общения [23. С. 22].

Подчеркивая, что международное частное право регулирует именно гражданско-правовые отношения, И.С. Перетерский указывал, что «это не означает, что международное частное право является лишь частью гражданского права. Специфическим отличием гражданско-правовых отношений, включаемых в международное частное право, является то обстоятельство, что международное частное право изучает (и регулирует — *М.К.*) лишь особую группу гражданско-правовых отношений, именно такие гражданско-правовые отношения, которые имеют международный характер... Термин “международный” употребляется здесь в особом, условном смысле» [24. С. 5].

Более сложным в концепции международного частного права многие десятилетия являлся анализ термина «частное».

Определенную негативную роль в этом сыграло указание В.И. Ленина юристу Д.Н. Курскому, занимавшемуся в начале 20-х гг. разработкой нового Гражданского кодекса: «Мы ничего “частного” не признаем, — писал он, — для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Нужно применять не *corpus juris romani* к гражданским правоотношениям, а наше революционное правосознание» [15. С. 398].

Сегодня в науке наблюдается очередной виток ожесточенной «схватки» между сторонниками частноправового и публично-правового методов регулирования рыночных отношений. Эта «схватка» доходит до навешивания друг на друга обидных ярлыков, типа сторонники «радикального либерализма» и «идеологии рыночного фундаментализма», с одной стороны, и «перекрасившиеся в духе времени адепты предпринимательского права», «понятийно-правовые эквилибристы», осуществляющие «агрессивную обработку общественного мнения» и «усиливающие в последнее время выпады... против частного права», с другой [6].

Не напоминает ли это то, что выше было охарактеризовано как кризис международного частного права?

Очевидно, что в правовой науке в целом ощущается недопонимание нечто большего, а именно, изначально присущего праву единства его цели, функций и предназначения в регулировании общественных отношений и развития общества в целом. Истоки разобщенности и разъединения я усматриваю в изначально ошибочном расчленении права на публичное и частное, ныне со времен В.И. Ленина доведенное до абсурда.

Такое деление отнюдь не всегда было присуще праву и далеко не везде имеет место в настоящее время. В странах англо-американской правовой традиции его не было раньше, нет и теперь. Нет его и в мусульманских странах и в некоторых других, например, в странах с обычно-правовой системой права.

Анализируя проблему «частного» и «публичного» в регулировании общественных, в том числе и прежде всего социально-экономических отношений, профессор Г.В. Мальцев пишет: «Сама проблема разделения частного и публичного права является сугубо европейской, она исторически возникла и развивалась в рамках одной из мировых культур — западной, применительно к одной модели, или семье правовых систем, утвердившейся в странах континентальной Европы. Уже Англия, отделенная от европейского материка небольшим проливом, вследствие особых исторических условий смогла сформировать принципиально иную модель правовой системы — англосаксонское право, внутри которого различаются сферы общего права (*common law*) и права справедливости (*the law of equity*), но нет деления права на частное и публичное». И далее: «То что в Германии или во Франции представляется самоочевидным и необходимым, в правовых системах, построенных на других началах, неуместно» [20].

Сегодня ошибочно принято считать, что деление права на частное и публичное восходит к римскому праву [13. С. 69]. Однако новейшие исследования показывают, что это произошел несколько столетий спустя после распада Западной римской империи. Обычно апеллируют к фрагменту из сочинений римского юриста и государственного деятеля Ульпиана, жившего на рубеже II и III столетия нашей эры.

Этот фрагмент, включенный в первый титул первой книги «Диагест» римского императора Юстиниана, содержит рассуждения Ульпиана о правосудии и праве и звучит так: «Изучение права распадается на две части: публичное и частное. Публичное право есть то, которое относится к положению Римского государства, тогда как частное относится к пользе отдельных лиц; существует нечто полезное в общественном отношении и в частном отношении. Публичное право включает в себя святыни (*sacra*), служение жрецов, положение магистратов. Частное право делится на три части, ибо оно составлено из естественных предписаний, из (предписаний) народов, или (предписаний) гражданских» [25. С. 101–103]. И далее: «Гражданское право не отделяется всецело от естественного права или права народов. Итак, если мы добавляем что-либо к общему праву или сокращаем из него, то мы создаем наше собственное право, то есть гражданское».

Не трудно заметить в этих рассуждениях, что в Древнем Риме имели представление о разнице в положении государств и положении отдельных, т.е. частных, лиц, причем нормы права частного, регулировавшие отношения между гражданами Римской империи, назывались гражданскими, а вся система — *ius civile*.

Из рассуждений Ульпиана видно также, что являлось истоком пополнения норм частного права, видна их природа в понимании древних. Это были нормы естественного, т.е. природного происхождения, нормы, заимствованные из права народов (*ius gentium*), т.е. материальной системы права, регулировавшей отношения между римскими гражданами и перегринами (неримлянами), а также перегринами между собой, и собственно *ius civile*. Интересно в этой связи и замечание Папиниана: «Цивильное право — это то, которое приходит из законов, плебесцитов, сенатусконсультов, декретов принцепсов, авторитета мудрецов».

Но было ли деление права на публичное и частное в действительности?

Сам Ульпиан об этом ничего не говорит. Напротив, он говорит об «изучении права», но не о расчленении его, т.е. обращает внимание римлян и не только их на то, как лучше, доступнее, удобнее воспринимать римское право, но отнюдь не о расчленении его как интегральной совокупности норм.

Более того, он прямо указывает, что цивильное право (частное право) не отделяется всецело от естественного права (*ius naturale*) и право народов (*ius gentium*).

Оно приходит, т.е. совершенствуется и усложняется из законов, плебесцитов, сенатусконсультов, декретов принцепсов, авторитета мудрецов в рамках и в продолжение естественных прав всех живых существ, что имело в древнем Риме особый нравственный смысл.

Естественное право понималось и принималось там гораздо глубже и чувственнее, чем это имеет место в наши дни в современном обществе. Природные корни *ius civile* (частного права) обнаруживались, принимались и персонифицировались римлянами из наблюдения за нравами и поведением живых организмов. Это касалось в особенности высокоорганизованных сообществ животных и насекомых (например, пчел или термитов).

Древние видели, что для таких сообществ, в особенности с явно структурированной формой совместного поведения, характерно жесткое иерархическое построение их «социальной организации», в соответствии с которой «каждая особь выполняет сообразно существующей иерархической пирамиде строго «свои» функции (получившие потом, уже в отношении к аналогичным явлениям человеческого сообщества, названия «обязанность», «ответственность», «порядок», «дисциплина»)» [2. С. 6, 30, 50–57].

Исследуя этот аспект, профессор И.А. Покровский писал: «Идея естественного права уже у римских юристов приобрела серьезное практическое значение: естественное право и справедливость, *ius naturale* и *aeguitas*, часто рассматриваются ими как источники гражданско-правовых норм и оказывают влияние на толкование этих последних» [26. С. 61].

Уже тогда и Гай, и Павел, и Ульпиан, и его учитель Папиниан хорошо понимали, что создаваемые ими правила поведения и само представление о праве как об инструменте обеспечения порядка и дисциплины должны отражать не только понятные для людей естественные предпосылки, но и прежде всего потребности именно человеческого общества, его оптимальной организации и функционирования. Именно поэтому, формируя нормы права, древние римляне закладывали в них непреходящую черту — властно-государственную основу права, его принудительность и публичность.

При таких обстоятельствах частное право просто не могло быть обособлено от публичных его начал. Следовательно, наше представление о «*Corpus juris romanum*» как о кодексе только римского частного права не вполне корректно.

Законы, плебесциты, сенатусконсульты, декреты принцепсов и умозаключения по не столько частным, сколько общественно важным вопросам авторитетных мудрецов не могли не содержать в себе публично-правовых начал.

Исследуя феномен «частного права» от древности до наших дней, профессор С.С. Алексеев приходит к выводу, что не было, нет и не должно быть такого нормативного акта, «который воплощает частное право, так сказать, в чистом виде. Такого чисто гражданского закона в истории права не было, его нет сейчас, и не будет в будущем...».

Далее профессор С.С. Алексеев объясняет, почему это так и указывает на три обстоятельства, которые всегда имели место не только в прошлом, но и в еще большей степени имеют место в наши дни. Это особенно важно учитывать при разрешении спора между нынешними сторонниками хозяйственного (предпринимательского) права и теми, кого называют «частниками» или цивилистами.

С древних времен и сейчас акты частно-правового характера всегда содержат в том или ином объеме «публично-правовые элементы — публичные “вкрапления”»

С.С. Алексеев объясняет это, во-первых, тем, что любой правовой акт такого рода — это документ в широком смысле публичный, государственно обязательный. Он не может не содержать безусловно обязательные установления, своего рода императивные предписания или нормы.

Во-вторых, коль скоро такой акт всегда является и не может не являться правовым явлением, то в нем неизбежны некоторые формы государственного участия, государственного контроля, необходимого для нормального гражданского оборота, например, для удостоверения (проверки) права и дееспособности лиц, регистрации имущества или сделки. Это особенно хорошо видно на примере сегодняшней любой высокоразвитой страны, когда усиливается социальная защита людей, проявляется социальная солидарность, появляются такие правовые институты, как «публичные договоры», в которых публично-правовые элементы входят в само содержание гражданских правоотношений.

Наряду с «вкраплением» в ткань гражданского (частного) права публично-правовых элементов С.С. Алексеев обращает внимание на то, что гражданско-правовые постановления могут существовать и на практике действуют в ком-

плексе с законами публичного права, «которые их “сопровождают” — параллельно, в паре с ними функционируют».

Наконец, в-третьих, частное право, выраженное в постановлениях (в древнем Риме в форме не только законов, но и плебесцисов, сенатусконсультов, декретов принцепсов, авторитета мудрецов), может реализовываться на практике, в жизненных отношениях лишь частично, а порой лишь по главному, глубинному своему содержанию.

Приведенный глубинный анализ сочетания частного и публичного убеждает в том, что римское частное право было единым, т.е. не было разделено на две части, не содержало дуализма, который оформился в станах континентальной Европы значительно позднее.

Немаловажным фактором, затрудняющим выявление подлинного объема правового материала, использовавшегося для организации гражданского оборота в Древнем Риме, является то, что до нас дошла лишь незначительная часть письменных источников права той эпохи [11. С. 33].

По некоторым данным примерно 90% дошедших до нас норм римского права принадлежат к гражданскому т.е. частному праву. Это явилось результатом селекции, осуществленной юристами более поздних эпох, которые в силу поставленных временем задач проявили больший интерес именно к частно-правовым проблемам, а не публичным.

Такой вывод можно сделать на основании того, что после падения Западной римской империи европейская история на многие века погрузилась в эпоху варварства, выход из которой был связан с эпохой Возрождения, начавшейся лишь в конце XII — начале XIII в. Не было крупных государственных образований, все воевали друг с другом. Не было запроса на развитие сильной публичной власти, усиливающей государственные начала в обществе. Право интересовало людей в этот период лишь как выражение самой близкой к ним действительности: семья, земля, торговля, деньги.

Однако, «как только промышленность и торговля — сперва в Италии, а позже и в других странах — развили дальше частную собственность, тотчас же было восстановлено и вновь получило силу авторитета тщательно разработанное римское частное право...» [21. С. 63].

Ф. Энгельс в этом фрагменте совместной работы с К. Марксом ничего не говорит о восстановлении норм римского публичного права. Невостребованное временем, оно во многом по этой причине было утрачено. Глоссаторы и постглоссаторы (комментаторы) римского права временем и деньгами были заинтересованы в восстановлении именно частного, а не публичного права. Этим я объясняю тот печальный факт, что до нас дошло в основном частное римское право (да и то комментированное, т.е. в известном смысле переработанное и дополненное университетскими комментаторами), а не публичное. Профессор Г.В. Мальцев в этой связи замечает: «Римское право явилось исходной базой для построения системы частного права (в Европе в период Возрождения — *М.К.*), но с ним обращались по принципу “отсекай все ненужное и добавляй

нужное”. В результате сегодня никто не может сказать, в какой мере римское частное право в известном нам варианте является подлинным, что в нем идет от римских юристов, а что он более поздних европейских комментаторов».

Если принять во внимание вышеизложенное и учесть, что предпосылки для формирования сильных европейских национальных государств, требовавших усиления публичной власти, возникли после эпохи Возрождения, Просвещения, Реформации и Крестьянских войн, предшествовавших вступлению Европы в промышленную стадию своего развития, то реальная конструкция разделения права на публичное и частное в части европейских государств возникла тогда и постольку, когда и поскольку возникла необходимость приведения методов правового регулирования общественных отношений в соответствие с потребностями не только частного интереса, физического лица, торговца, промышленника, или их гильдий и союзов, но и интереса публичного, за которым стоит теперь крепнущее национальное государство, его амбиции, его социальный и политический интерес, требующие соответствующего правового оформления.

С учетом объективно возникших новых задач по регулированию общественного развития и дальнейшего совершенствования гражданского и в первую очередь торгового оборота появляются отдельные методы воздействия на происходящие в обществе процессы: частноправовой и публично-правовой.

Для первого характерны такие черты, как равенство и независимость субъектов гражданского оборота, свобода их воли и свобода договоров, которые они заключают между собой, децентрализация. Здесь господствуют, как отмечает С.С. Алексеев, «горизонтальные отношения, основанные на юридическом равенстве субъектов, координации их воли и интересов. Преимущественное положение в нем занимают не императивные предписания, не запреты, а юридические дозволения».

Второй метод связан с элементами власти и подчинения, централизацией правовой связи, встраиванием отношений между субъектами по вертикали: сверху управомоченный, снизу — обязанный и, как следствие, императивный характер всего регулирования.

Ликвидация частной собственности в Советской России в результате Октябрьского переворота 1917 г. повлекла за собой коренное изменение в правовой надстройке и объективный отход от деления всего нашего права на публичное и частное, утвердившегося в буржуазных странах. Именно на это обращал внимание В.И. Ленин в своем письме Курскому.

Однако применение «революционного правосознания» к «гражданским правоотношениям» вовсе не означало стирания граней между положением государства и отдельных граждан и организаций нашей страны, несущих в себе частицу новой правовой системы, в их многообразных связях и отношениях с гражданами и организациями стран, где частная собственность осталась неизменной, и, безусловно, эти отношения не заменились и не могли быть заменены сугубо публично-правовыми отношениями, на чем настаивал В.И. Ленин.

Сохранение терминов «международное частное право», «международное частнопрововое отношение», как отражающих объективное явление отношений отдельных лиц к отдельным лицам разных стран и разных правовых систем, не нанесло вреда общественному характеру устройства нашей страны и было сохранено в учебной и научной литературе наряду с некоторыми другими терминами, например «гражданское право», «гражданский процесс», которые имеют для нас также условный характер [16. С. 41–42], хотя из законов и иных правовых актов термин «частное» был исключен.

Полезно вспомнить и другие высказывания, относящиеся к понятийному аппарату МЧП, не получившие до сих пор должного отражения в нашей научной литературе.

«Не перенимать... старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое». «Вырабатывать новое отношение к “частным договорам”». «Не угождать “Европе”, а продвинуться дальше в усилении вмешательства государства в “частнопрововые отношения”, в гражданские дела».

Все это и было новой социальной оценкой соотношения частной и публичной стороны общественных отношений при В.И. Ленине и после него.

На мой взгляд, эта оценка не совсем последовательная. В ней заметен явный крен в сторону политики, попытка лозунгом подменить трезвый юридический анализ меняющихся отношений в обществе.

Несомненно, что новые социальные основы международного частного права, рождающиеся во внутренней системе советского права, становились частью процесса соответствующих преобразований общества. Мы и сейчас, а не только на заре советской власти, наблюдаем диалектическое изменение социальной ценности частной деятельности физических и юридических лиц в нашем государстве, которое в период перестройки начало развиваться на более полной юридической основе.

Сегодня совершенно очевидно, что понятие «частное право» в буржуазной правовой системе получило характер собирательного целого, включая собственно гражданское право, гражданский процесс и торговое право, а в правовой системе других стран, где деление права на публичное и частное было упразднено или никогда не проводилось в официальной форме, синонимом термина «частное» для целей анализа явлений международного общения «отдельных лиц с отдельными лицами» стал термин «гражданское» или «национальное гражданское», когда речь идет о нормах, сформировавшихся в национальных правовых системах при регулировании ими международных частнопрововых отношений.

В заключение подчеркнем еще раз: если термин «международное» в международном частном праве означает пространственно-территориальную характеристику изучаемого нами правового явления, то термин «частное» (синоним: «гражданское») и у нас, и за рубежом означает социально-экономическую характеристику этого явления, то есть качества, отличающие его от других социальных явлений жизни. Международное «частнопрововое» (синоним: «граж-

данско-правовое») отношение — это значит не — уголовное, не — административное, не — публичное правоотношение и т.д.

Резюмируя все вышеизложенное в настоящей статье, можно утверждать, что никакого кризиса в МЧП не происходит. Напротив, мы наблюдаем признаки его роста, более глубокого вторжения в регулирование общественных отношений, которое опережает осмысление этого процесса наукой и требует ревизии некоторых устаревших представлений о его сущности и роли в современной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Альтиулер А.Б.* Международное валютное право. — М., 1984.
- [2] *Алексеев С.С.* Частное право: Научно-публицистический очерк. — М.: Статут, 1999.
- [3] *Бирюков П.Н., Понедельченко Н.М.* Еще раз о международном частном праве // Международное публичное и частное право. — 2005. — № 3.
- [4] *Богуславский М.М.* Международное частное право: Современные проблемы. В 2 кн. — М.: Наука, 1993. — Кн. 1.
- [5] *Богуславский М.М.* Международное частное право: Учебник. — М.: Международ. отношения, 2002.
- [6] *Бублик А.В.* Правовое регулирование предпринимательства: частные и публичные начала // Хозяйство и право. — 2000. — № 9.
- [7] *Варавенко В.Е.* Обратная отсылка и отсылка к праву третьего государства как проблема применений иностранного права. — Владивосток: Изд. ВГУЭС. — 2010.
- [8] *Гаврилов В.В.* Международное частное право: Учеб. пособие. — Владивосток, 1997.
- [9] *Дмитриева Г.К.* Международное частное право. Учебник. — М.: Проспект, 2001.
- [10] *Ерпылева Н.Ю.* Понятие, предмет, система и источники МЧП // Международное публичное и частное право. — 2002. — № 1. — С. 18–29.
- [11] *Ковалев С.И.* История Рима. Курс лекций. — Л., 1986.
- [12] *Крылов С.Б.* Международное право. — М., 1947.
- [13] *Кузнецов М.Н.* Международное частное право: Общая часть. Учеб. пособие. — М.: Изд. УДН. — 1991.
- [14] *Лебедев С.Н.* О природе международного частного права // Советский ежегодник международного права. 1979. — М.: Наука. — 1980.
- [15] *Ленин В.И.* О задачах Наркомгоста в условиях новой экономической политики. Письмо Д.Н. Курскому // Полн. собр. соч. — Т. 44. — С. 398.
- [16] *Лунц Л.А.* Курс международного частного права: Общая часть. — М., 1973.
- [17] *Макаров А.Н.* Основные начала международного частного права. — М., 1924.
- [18] *Маковский А.Л.* Унификация морского права и понятие международного частного морского права // СЕМП, 1979. — М., 1980.
- [19] *Маковский А.Л.* Проблема природы международного частного права в советской науке // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. — Вып. 28. — М., 1984.
- [20] *Мальцев Г.В.* К вопросу о частном и публичном праве // Право и гражданское общество в современной России. — М.: Изд. РАГС, 2003.
- [21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 3.
- [22] *Мюллерсон Р.А.* О соотношении международного публичного, международного частного и национального права // СГиП. — 1982. — № 2.

- [23] *Перетерский И.С.* Система международного частного права // Советское государство и право. — 1946. — № 8–9.
- [24] *Перетерский И.С., Крылов С.Б.* Международное частное право. — М.: Юриздат, 1940.
- [25] *Перетерский И.С.* Дигесты Юстиниана. — М, 1956.
- [26] *Покровский А.И.* Основные проблемы гражданского права. — М.: Статут, 1998.
- [27] *Разумов К.Л.* Международное частное право (некоторые вопросы теории и практики) // Материалы секции права. — № 34. — М.: Торгово-промышленная палата СССР, 1983. — С. 7–26.
- [28] *Сталев Ж.* Сущность и функция на международное частное право. — София, 1982.

PRIVATE INTERNATIONAL LAW: SIGNS OF CRISES OR SIGNS OF GROWTH

M.N. Kuznetsov

The Department of Civil and Labor Law
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya, st., Moscow, Russia, 117198

The article is dedicated to investigation of the so called crises of the PIL, which, in fact, is not a real crises but a recession of the theory of law and the doctrine wich are not able to comply with the speedy complication and deepening of the real social relations which are regulated by PIL.

Keywords: PIL-private international law, system of law, brunch of national law, brunch of international law, conflict of laws.